

УДК 821.161.1

**СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ 1827 г. Е.А. БОРАТЫНСКОГО
В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА***С.В. Рудакова***Аннотация**

В статье характеризуется своеобразие организации первого сборника Е.А. Боратынского «Стихотворения», изданного в 1827 году. Выявлены следы влияния на композицию данного издания традиций, существовавших в русской литературе в первой трети XIX века, подчеркнута роль авторской индивидуальности поэта в создании сборника. Доказывается, что своему первому сборнику Боратынский пытается придать определённую цельность и отразить в нём законченный поэтический замысел. Поэтому издание 1827 года рассматривается как первый шаг на пути создания книги стихов «Сумерки» (1842).

Ключевые слова: Е.А. Боратынский, стихотворный сборник, поэт, лирический герой, автор, структура сборника, заглавие.

В судьбе многих поэтов выход в свет сборника стихотворений является знаменательным событием. В процессе создания подобного собрания поэтических сочинений отражаются как индивидуальные художественные поиски автора, так и основные тенденции, которые имеют место в литературной действительности. Если говорить о Е.А. Боратынском (интерес к творчеству которого в последнее время возрастает¹), то каждый из трёх при жизни изданных сборников стихотворений этого поэта знаменует определённый этап в его духовной и поэтической эволюции, демонстрирует качественно иное выстраивание лирической системы. Но меняющийся облик издаваемых им сборников оказывается обусловлен также и теми изменениями, что происходят в литературном развитии России конца XVIII – первой трети XIX в. Основное внимание мы сфокусируем на характеристике своеобразия организации первого сборника Е.А. Боратынского, изданного в 1827 году (СБ), выявим, что оказалось в нём обусловлено литературным влиянием (ибо поэт, бесспорно, учитывал тенденции своей эпохи в процессе формирования стихотворного сборника), а что было проявлением индивидуальной воли автора в создании собрания стихотворений².

¹ Подтверждением этого интереса являются состоявшиеся в 2000 г. в Москве, Казани, Тамбове международные конференции, приуроченные к 200-летию поэта, а также традиционно (с 1993 г.) проводимые в Казани «Литературные чтения в усадьбе Боратынских», научные исследования жизни и творчества этого поэта, проводимые разными учёными.

² Следует подчеркнуть возрастающий в современной науке интерес к проблеме изучения поэтических сборников, в том числе и обозначенного нами периода. Так, состоялись уже 2 международные конференции «Авторское книготворчество в поэзии» в Челябинске (2008) и Омске (2010), 4 международные конференции «Литературный текст XX века (проблемы поэтики)» (2009–2012) в Челябинске, где традиционно выделяется

В XVIII в., как правило, сборник стихотворений был своеобразной декларацией жанрового принципа как основного, организующего художественное пространство, ибо любой поэтический замысел (если мы говорим о классицистической традиции) был ориентирован прежде всего на жанровое воплощение. Это касалось как малых, так и больших форм. С.С. Аверинцев, характеризуя литературную ситуацию этого времени, верно подмечает: «Жанр как бы имеет свою собственную волю, и авторская воля не смеет с ней спорить. Автору для того и дана его индивидуальность, его характерность, чтобы участвовать в “состязании” со своими предшественниками и последователями в рамках единого жанрового канона, то есть по одним правилам игры» [4, с. 111–112].

Даже сами названия поэтических сборников этого времени указывают на жанровую принадлежность текстов, включённых в них авторами: «Нравоучительные басни» (1764) М.М. Хераскова, «Притчи», «Элегии любовные», «Оды торжественные», «Стихотворения духовные», «Эклоги» (1787) А.П. Сумарокова, «Избранные притчи графа Д. Хвостова» (1802), «Анакреонтические песни»³ (1804) Г.Р. Державина. И даже если сборник включал собственно лирические произведения («Разные стихотворения» (1769) А.П. Сумарокова, «Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов, некоторого Муз любителя» (1773) И.Ф. Богдановича, «Лирические сочинения» (1806) В.В. Капниста), поэтический материал в нём распределялся по жанровым разделам, что отражалось в оглавлении и в корпусе текстов, в него включённых (или же только в последнем). Причём расположение разделов имело строгую иерархию, определяемую логикой движения по нисходящему принципу: от высокого к низкому. По словам И.З. Сермана, это соответствовало общей схеме: Богу – царю – человеку [5, с. 224].

Примечательна фигура Г.Р. Державина. Именно он в своих «Сочинениях», изданных в Санкт-Петербурге в 1808–1816 гг., достаточно очевидно продемонстрировал отказ от традиционного жанрового канона в организации сборника, предложив вместо привычного деления на разделы сплошную нумерацию своих произведений, которая представлена как в оглавлении, так и в самом корпусе текстов (подобный приём в формировании поэтического сборника обнаруживается и в таких, например, изданиях, как «Плоды уединения» (1802) Н.И. Гнедича, «Опыты Александра Шишкова» (1802) и др.). Хотя при внимательном чтении названного собрания сочинений отсутствующие жанровые разделы обнаруживают своё имплицитное присутствие в нём. Тем не менее можно утверждать, что именно с Державина начинается сдвиг в жанровой системе классицизма, обеспечивший переход к иной поэтической парадигме, что отражается и на принципах создания поэтических сборников. Как писал Г.А. Гуковский, «Державин заменил жанр, отвлечённое художественное понятие, – автором, человеком, говорящим в стихах о себе, о своих знакомых, о своих современниках. Державин заменил принцип согласованности художественных элементов

секция «Феномен авторства в конструировании художественного целого». Появились и сразу привлекли к себе пристальное внимание исследователей интересные работы Л.Е. Ляпиной [1], О.В. Мирошниковой [2], О.В. Зырянова [3] и др., посвящённые вопросам изучения поэтического сборника и лирического цикла.

³ Однако необходимо отметить во многом новаторский характер данного сборника, в котором обнаруживаются «отмена традиционно-канонического жанрового образа поэта и замещение его глубоко оригинальной концепцией лирического героя, своеобразной персонификацией судьбы самого лирического автора» [3, с. 28].

произведения друг с другом и с категорией жанра и “высоты” – принципом выведения всех элементов произведения, хотя бы и разнородных, из индивидуального авторского намерения и авторской воли» [6, с. 324].

На рубеже XVIII – XIX вв. на смену категории «жанра», на которой основывалась поэтика литературы XVIII века, приходит новая категория, которая начинает всё себе подчинять, – категория «автора». Наступает время торжества авторско-индивидуального мышления. Поэтику жанра сменяет поэтика автора (см. [7]). И потому авторский сборник приобретает всё большее значение как для читателей, так и (самое главное) для самих поэтов: он начинает мыслиться как особый тип текста, в котором всё должно быть продумано.

Одним из ярких проявлений нового стиля в создании поэтических сборников, позволяющих передать авторскую индивидуальность, становятся очень выразительные заголовки стихотворных сборников. Так, на рубеже XVIII – XIX вв. появляются «Мои безделки» (1794) Н.М. Карамзина, затем «И мои безделки» (1795) И.И. Дмитриева, «Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца» (1796) П.В. Победоносцева, «Моё отдохновение для отдыха другим» (1799) Я.В. Орлова, «Минуты муз» (1801) В.В. Попугаева, «Плоды уединения» (1802) Н.И. Гнедича, «Опыты Александра Шишкова» (1802), «Плод свободных чувствований» (1798–1801), «Цветы Граций» (1802) П.И. Шаликова, «Подарок друзьям моим» (1803) Н.С. Таушева, «Моё кое-что» (1803) П.А. Пельского, «Плоды моего досуга» (1805) Н.П. Брусилова, «Плоды моей музыки» (1806) А.Ю. Розанова, «Плоды трудов моих» (1808) К.Ф. Калайдовича, «Печальные, весёлые и унылые тоны моего сердца» (1809) Ф.М. Рындовского, «Приношение Аполлону, или Мои стихотворения» (1811) М. Белякова, «Сумерки моей жизни» (1808) и «Бытие сердца моего» (1817) И.М. Долгорукова, «И я автор, или Разные мелкие стихотворения» (1816) И.И. Бахтина, «Друзьям моей юности» (1817) Я.М. Лыкошина и др. (см. [6, с. 325; 8, с. 578]). Все эти названия отражали смену вектора поэтической мысли: теперь главным объектом её исследования становился интимный камерный мир поэта. Авторы подобным наименованием сборников отстаивали своё право говорить о том, что касается лично их или их близких. Однако, как верно отмечает И.Л. Альми, эти заголовки отражают не идейно-тематическое содержание сборников, они «декларируют скорее принципы школы» [9, с. 24].

В 20-е годы XIX века в России начинает складываться новый тип сборника, который сами авторы называют просто «Стихотворения». К подобным сборникам относится и издание Боратынского 1827 г. (СБ). В самом его наименовании угадывается некоторая безликость (на самом деле только кажущаяся), а главное – проявляется совершенно не характерная для эпохи классицизма тенденция: беспорядочность в расположении текстов, «бессистемность» в представлении поэтической картины мира автором. Однако за этим мнимым «хаосом» в выстраивании художественного материала скрывается новая тенденция – создание «организованной неорганизованности», передающей специфику романтического мировосприятия, в основе которого лежат стихийность, случайность и... преднамеренность. За прихотливым соединением текстов внутри сборника угадывалось желание автора передать непредсказуемость, противоречивость жизни, а также представить неоднозначный, сотканный иногда из противоположных качеств образ лирического героя, выражающий поэтическое «Я» автора.

Анализ литературной жизни России первой трети XIX в. позволяет утверждать, что издание собраний сочинений и сборников стихотворений было не столько индивидуальным, сколько коллективным делом, в котором активное участие принимал не только автор, но и его ближайшее окружение – издатели, друзья, литературные соратники. Часто автор только предлагал свои произведения, а комплектованием их, оформлением самой книги занимались другие⁴.

Подтверждается это, например, историей публикации «Опытов в стихах и прозе» К.Н. Батюшкова, «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 г. и сборника «Стихотворения Евгения Баратынского» 1827 г. И К.Н. Батюшков, и А.С. Пушкин, и Е.А. Боратынский рекомендуют подготовку сборников к печати своим друзьям-редакторам, давая им некоторые советы-рекомендации. Так, заботу о своём сборнике Батюшков возлагает на плечи Н.И. Гнедича, предлагая ему продумать характер последовательности текстов, о чём свидетельствует его письмо к Н.И. Гнедичу от 25 сентября 1816 г.: «Марай, поправляй, делай что хочешь. <...> Печатать ли “Прогулку в Академии”? А жаль её выключить. Расположение материй сделай сам, как заблагорассудишь. “Кантемира” завернуть в серединку» [11].

Пушкин же, задумав издать первое собрание своих стихотворений в середине 20-х годов, передаёт права на подготовку к печати этого издания своим близким друзьям. Об этом свидетельствует его письмо к Л.С. Пушкину и П.А. Плетнёву, датированное 15 марта 1825 г. [12, с. 102–103].

Боратынский в середине 20-х годов тоже решает издать собрание своих стихотворений, на что подталкивают его оставшиеся в Петербурге друзья, в то время как сам поэт драматической волею судеб оказывается в Финляндии. Поддавшись уговорам К.Ф. Рыльева и А.А. Бестужева, он отправляет им тетрадь своих стихотворений для публикации. А вслед за этим шагом в октябре – декабре 1823 г. Боратынский пишет им из Роченсальма: «Милые братья Бестужев и Рылеев! <...> Возьмите на себя, любезные братья, классифицировать мои пьесы. В первой тетради они у меня переписаны без всякого порядка, особенно вторая книга элегий имеет нужду в пересмотре; я желал бы, чтобы мои пьесы по своему расположению представляли некоторую связь между собою, к чему они до известной степени способны. <...> Четвертое: о други и братья! постарайтесь в чистеньком наряде представить деток моих свету – книги, как и людей, часто принимают по платью» [13, с. 127].

О готовящемся издании произведений Боратынского становится известно и читательской публике, ибо об этом факте сообщается в болгаринском журнале в отделе «Литературные новости» [14, с. 194–195]. Правда, стоит упомянуть, что позже из-за разногласий отношения Боратынского с друзьями охлаждаются (см. [15, с. 505–506]), и он уже летом 1824 г. забирает у них свою рукопись и немного позже передаёт права на её издание А.А. Дельвигу и Н.А. Полевому. О продолжающейся коллективной работе по подготовке издания стихотворений (но уже с другими организаторами) свидетельствует переписка Боратынского. Так, в марте 1826 г., обращаясь через письмо к Боратынскому, Дельвиг торопит его с отправкой рукописи: «Пришли поскорей свои тетради. Нужно

⁴ Об этом, в частности, размышляет в своей статье М.Н. Дарвин (см. [10]).

очень спешить с изданием» [13, с. 178]. В этом же послании Дельвиг называет своему другу имя предполагаемого издателя его стихотворений: «Настоящий издатель твоих сочинений тот же, кто и Пушкина: Плетнёв. Лучше корректора трудно найти» [13, с. 178].

Следовательно, можно говорить, что в процессе подготовки первого сборника Боратынского так или иначе принимали участие несколько человек: на первых порах это Рылеев и Бестужев, хотя, наверное, доля их вклада в формирование общего замысла минимальна, затем активно обсуждали структуру, концепцию издания вместе с Боратынским А.А. Дельвиг и П.А. Плетнёв, позже к этому литературному кругу примкнул и Н.А. Полевой. Доказательством реального участия последнего в процессе подготовки сборника Боратынского к публикации является признание самого поэта, высказанное в письме к Полевому сразу после выхода в свет «Стихотворений»: «Что касается до меня, то не могу сказать, как я вам благодарен. Издание прелестно. Без вас мне никак бы не удалось явиться в свет в таком красивом уборе. Много, много благодарен» [13, с. 198]. И, наверное, не случайно на экземпляре сборника 1827 г. Боратынского, подаренного автором А.С. Пушкину, появилась надпись: «От Боратынского и компании»⁵.

Боратынский, как и многие его современники, в формировании своего первого поэтического сборника сознательно или подсознательно следовал тому образцу, что предложил читателю К.Н. Батюшков, выпустивший в свет в 1817 г. свой двухтомник «Опыты в стихах и прозе» [16]. Именно в этом издании, пожалуй, ярче всего отразились ведущие тенденции развития русского стихотворного сборника в первой четверти XIX в. Как отмечает О.В. Зырянов, «это издание выдерживает уже типичные для книжных образований структурно-семантические параметры» [3, с. 31].

Мощь влияния этой книги Батюшкова осознавал и Пушкин, который при подготовке своего первого собрания стихотворений к печати обращался к друзьям (Л.С. Пушкину и П.А. Плетнёву), на которых была возложена миссия формирования концепции сборника, с мольбой: «Только не подражайте изданию Батюшкова – исключайте, марайте с плеча. Позволяю, прошу даже» (письмо к Л.С. Пушкину и П.А. Плетнёву от 15 марта 1825 г.) [12, с. 102]. Однако избежать этого влияния, как мы можем убедиться, всё же не удалось.

Во второй части «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова (где представлена лирика поэта) мы обнаруживаем переосмысленный (в отличие от традиции нормативной поэтики XVIII века) жанровый принцип распределения текста по разделам: «Элегии», «Послания», «Смесь». Кроме того, в «Опытах» Батюшкова, как отмечает И.М. Семенко, проявляется и тематический принцип, так как произведения группируются «по тематическим и проблемным признакам; сами же группы (как бы разделы, но не названные) также расположены обдуманно» [17, с. 468].

Вслед за Батюшковым и А.С. Пушкин в своих «Стихотворениях» 1826 г., и Боратынский в рассматриваемом нами сборнике, и Д.П. Глебов в сочинении «Элегии и другие стихотворения» [18], и многие другие выделяют, ставя на

---

⁵ Ныне этот экземпляр хранится в Санкт-Петербурге в библиотеке Пушкина в Пушкинском Доме Академии наук.

первое место, раздел, где помещаются элегии. Для всех этих поэтов жанр элегии является ведущим, что симптоматично, ибо, как утверждал В.А. Грехнев, в элегиях «есть признак всеобъемлющей реакции на мир, заостряемой ранним романтическим мышлением с его притязанием на универсальность» [19, с. 135].

Так, в первом пушкинском сборнике мы обнаруживаем в той или иной мере реализацию жанрового принципа в батюшковском духе. В издании 1826 г. «Стихотворений» Пушкина есть те же рубрики, что и у его предшественника: «Элегии», «Послания», «Разные стихотворения» (аналог «Смеси» Батюшкова). Однако, в отличие от Батюшкова, Пушкин в сборнике представляет и иные рубрики: «Эпиграммы и надписи», «Подражания древним», «Подражание Корану».

И Боратынский при построении своего сборника стихотворений также руководствуется жанровым принципом, который можно рассматривать как своеобразную модификацию того, что было реализовано его предшественниками – прежде всего Батюшковым и Пушкиным. В издании 1827 г. представлены привычные разделы (те же, что и у Батюшкова), но последовательность их иная: «Элегии»⁶, «Смесь», «Послания». Кроме того, между «Смесью» и «Посланиями» поэт помещает поэтическую сказку (подражание Вольтеру) «Телема и Макар». В отличие от Батюшкова и идущих за ним, Боратынский в раздел «Элегии» вводит дополнительные рубрики, а именно три «Книги». Подобная структурная организация этой части сборника обнаруживала генетическую связь собрания Боратынского с поэзией более ранних предшественников. Мы имеем в виду французского элегика Э. Парни⁷ и его сборник «Эротические стихотворения» (1778) (в нём поэтический материал разделяется автором на четыре книги), на который ориентируется русский лирик. Кроме того, угадывается и влияние Овидия, его «Скорбных элегий» (8–12 гг. н. э.), в которых 37 произведений были разделены автором на 5 книг⁸.

Есть и другие принципиальные отличия в структуре сборника Боратынского: в нём мы не найдём ни эпиграфа, ни предисловия, ни посвящения – всего того, что определяет внешнее оформление и «Опытов» Батюшкова, и сборника «Стихотворения» 1826 г. Пушкина (отражая и некоторые существенные особенности этих текстов). Так, если обратиться к «Опытам в стихах и прозе» Батюшкова, то мы видим, что вторая их часть – «Стихи» – предваряется эпиграфом из Овидия «Vade, sed incultus...» / «Иди без прикрас...» (лат.) (Овидий. Скорбные элегии. I, 1, 3) [23, с. 197]. Затем появляется своего рода предисловие – обращение издателя к публике, дающее некоторую информацию о поэте и предлагающее поразмышлять о его поэзии: «Мы должны предупредить любителей словесности, что большая часть сих стихотворений была написана прежде “Опытов в прозе”, в разные времена, посреди шума лагерей или в краткие отдохновения война: но назначать время, когда и где что было написано, мы не почли за нужное.

⁶ Значение этого жанра в творчестве поэта трудно переоценить, проблеме эволюции элегии в ранней лирике Е.А. Боратынского посвящен ряд работ, в частности [20–22].

⁷ Безусловное влияние творчества этого автора на Боратынского отмечали ещё современники поэта, называя его не раз «милый Парни».

⁸ Подобный же приём разделения элегий на «книги» мы обнаруживаем, например, и у Д.П. Глебова, который в сочинении «Элегии и другие стихотворения» [18] делит рубрику «Элегии» на 2 книги, правда, выделяет он, в отличие от рассматриваемых авторов, и такие части, как «Баллады», «Песни и романсы», «Песни», «Русские песни», «Поэмы».

Издатель надеется, что читатели сами легко отличат последние произведения от первых и найдут в них большую зрелость в мыслях и строгость в выборе предметов» [23, с. 198]. Следом идёт посвящение «К друзьям», которое становится своеобразным камертоном, настраивающим читателя на восприятие сокровенных лирических мыслей автора.

Подобным же образом организован и первый изданный сборник стихотворений Пушкина. Хотя здесь обнаруживается расхождение первоначального замысла поэта с последующим его осуществлением из-за вмешательства в процесс подготовки издания его друзей. Так, предваряется сборник Пушкина 1826 г. эпиграфом из Проперция («*Aetas prima canat veneras, extrema tumultus*» / «Первая молодость воспевает любовь, более поздняя – смятения»), хотя, как показывают документы, поэт хотел издать свои стихотворения совсем без эпиграфа, а при необходимости – со строками из А. Шенье. Открывает пушкинский сборник предисловие «От издателей». Хотя, как выясняется, сам Пушкин хотел видеть в посвящении отражёнными совсем иные мысли (в частности, об этом он размышлял в письме к брату от 27 марта 1825 г.).

Отказываясь от традиционных элементов (эпиграфа, предисловия, посвящения), могущих, казалось бы, создавать внутреннее единство сборника, Боратынский выбирает иные приёмы, которые должны, на его взгляд, сформировать некую художественную целостность его издания.

В состав сборника Боратынского «Стихотворения» 1827 г. кроме 83 стихотворений вошла поэтическая сказка «Телема и Макара». Сами обстоятельства введения этой сказки в основной корпус текстов собрания и её расположение в нём (она помещена между разделами «Смесь» и «Послания») позволяют предположить, что итоговым, программным характером данное произведение не обладает, ключевой роли не играет⁹.

Поэт распределяет все стихотворения сборника следующим образом: в первом разделе («Элегии»), делящемся на 3 книги, представлено 29 текстов (в «Книге первой» – 8, в «Книге второй» – 10, в «Книге третьей» – 11), во втором разделе («Смесь») – 41, в третьем разделе («Послания») – 13. Доказательством того, что Боратынский свой первый стихотворный сборник воспринимает как некую особую художественную форму, которой он стремился придать определённую цельность и в которой хотел отразить законченный поэтический замысел, является тот факт, что большую часть произведений, которые были раньше опубликованы, он подвергает существенной переделке перед включением в состав сборника.

Облик этих текстов значительно изменяется по сравнению с тем вариантом, с которым были знакомы читатели. Так, из 83 стихотворений, введённых Боратынским в сборник, впервые были напечатаны на его страницах 7 произведений («Как много ты в немного дней...», «Как сладить с глупостью глупца?», «Когда б избрать возможно было мне...», «Идиллик новый на искус...», «Вчера ненастливая ночь...», «Так! отставного шалуна...», «Везде бранит поэт Клеон...»), 9 уже известных публике текстов представлены без исправлений, в содержание 20 стихотворений были внесены небольшие изменения по сравнению с уже известным

⁹ А.М. Песков даже высказал гипотезу: «Не исключено, что не Боратынский, а Дельвиг или Полевой поставили её последним текстом “Смеси”» [13, с. 35].

вариантом, остальные же подверглись существенной переработке. Всё это говорит о том, что Боратынский пытался связать произведения с неким общим поэтическим контекстом. Редакторская правка отдельных текстов, как и концепция всего сборника, оказывалась обусловленной авторской установкой представить некий философско-психологический портрет певца, становящегося лирическим героем сборника, чей внутренний мир удивительно противоречив, но при этом обладает парадоксальной цельностью.

А.М. Песков обратил внимание на то, что в издание 1827 г. Боратынским были включены стихотворения, которые «вследствие развития любовных и дружеских отношений» [24, с. 201] поэта произвольно сложились в пять циклов, адресатами которых стали С.Д. Пономарёва (ей посвящено 3 послания), А.В. Лутковская (ей адресовано 5 любовных стихотворений), А.А. Воейкова (с её образом связано 4 текста), Н.М. Коншин (ему посвящено 4 стихотворения), А.А. Дельви́г (ему адресовано 5 посланий). Однако ни один из этих циклов не представлен таковым в сборнике Боратынского, все тексты, которые образуют циклы, в издании 1827 г. распределены по разным отделам и, даже помещённые в одной части, они даны вразбивку, максимально друг от друга удалены, потому прямой связи между ними уже не обнаруживается.

Бесспорно, прав А.М. Песков, высказавший следующее суждение: «В основе композиции всего сборника 1827 г. в целом и отдельных его разделов лежит принцип, уже прочно утвердившийся к 1820-м годам в лирическом творчестве русских поэтов и способствовавший развитию циклизации в лирических сборниках, – принцип поэтического автобиографизма: частные факты личной жизни поэта фигурируют в стихотворениях лишь тогда, когда они способствуют созданию образа поэта – образа, выражающего одновременно и переживания частного человека, и литературную позицию писателя, и творческую волю возвышенного художника» [24, с. 204].

Для Боратынского важным оказывается не рассказ собственной истории, пусть даже поэтически переосмысленной. Более значимым для него становится факт создания некой новой эстетической реальности, рождающейся от соприкосновения с миром действительным, но построенной по иным законам. В описании этого нового мира читатели должны услышать голос самого Боратынского, но в образе его лирического героя (именно этого добивался автор) они должны были видеть поэта-певца, избранного, наделённого особым даром в своей жизни переживать то, что могут испытать многие другие люди, но главное – способного из своего опыта вывести некие общие нравственно-философские законы бытия.

В самой композиции первого сборника Боратынского проявляется важнейшее качество его поэтического дара – способность исследовать мир, что открывается его душе и сознанию. Именно эту особенность его лирики заметят и оценят ещё современники. Так, П.А. Плетнёв в рецензии на «Стихотворения Евгения Баратынского» (1828) подчеркнёт: «Увлекаясь движениями сердца, он не перестаёт мыслить и каждую свою мысль умеет согреть чувством» [13, с. 200]. А Пушкин в своей неоконченной рецензии выскажет ставшую в последующем знаменитой мысль: «Он у нас оригинален – ибо мыслит» [25, с. 153].

В издании 1827 г. Боратынский использует в основном номинативные заглавия стихотворений (в последующих своих сборниках он от подобного рода названий практически откажется, они станут скорее исключением, чем правилом). Связано это с желанием автора создать свою индивидуальную, чётко просматриваемую поэтическую концепцию жизни человеческой: заголовки поэтических текстов похожи на наименования важнейших проявлений бытия. По словам Е.Н. Лебедева, сами «названия стихов Боратынского... звучат как названия статей этой поэтической энциклопедии» [26, с. 43].

Структура сборника представляется нам очень продуманной. Боратынский применяет приёмы обрамления и кольцевой композиции. Открывается издание стихотворением «Финляндия»: это «произведение знаковое для творческого самосознания Боратынского» [24, с. 206], которое, можно сказать, выполняет роль посвящения. Здесь впервые представлен образ лирического героя – певца, поэта, задумавшегося о смысле жизни, о судьбе, о счастье, о роли поэзии в жизни людей, о прошлом и настоящем, о вечности и мгновении, о жизни и смерти... Вопросы, рассматриваемые в «Финляндии», станут определяющими для последующих текстов сборника. Именно в «Финляндии» задаётся тот неявный, но значимый для Боратынского биографический подтекст, который он хотел связать с жизнью своего лирического героя, чтобы у читателя сформировались представления о нём – изгнаннике, поэте, философе, находящемся в противостоянии с судьбой.

Представленный в первом стихотворении сборника образ певца затем будет появляться вновь и вновь. Возвращения к нему – это своего рода спирали. Выразительна в этом отношении «зеркальная отражённость» двух текстов – стихотворений «Финляндия» и «Н.И. Гнедичу». И если элегия, открывающая издание, задавала тон последующего разговора героя и читателя, то завершающее сборник послание не столько подводило итоги этого диалога, сколько формировало почву для будущего общения. Фигура поэта-певца оказывается для издания Боратынского принципиально важной. Мысли, высказываемые героем Боратынского, чувства, им описываемые, выполняют роль своеобразного «обрамления». Ярче всего образ поэта-певца представлен в стихотворениях, завершающих «Книги» в разделе «Элегии». А в двух последующих частях – «Смеси» и «Послания» – образ поэта появляется как в первых, так и в последних текстах.

Поэтическая мысль в сборнике (несмотря на кажущуюся хаотичность в расположении текстов) движется по чётко улавливаемой траектории – от общего к частному и снова к общему. Боратынский уже в разделе «Элегии» реализует этот подход. «Книга первая» состоит из элегий философского характера. В «Книге второй» описана психология человеческих взаимоотношений, основной акцент сделан на осмыслении интимных состояний – любви, дружбы. «Книга третья» включает в себя произведения как психологического, так и философского характера. Симптоматично, что завершается она, как и весь раздел «Элегии», стихотворением «Эпилог», где действительно (исходя из общей направленности поэтической мысли) подводятся некие итоги того, о чём размышлял автор.

Сказанное позволяет утверждать, что издание 1827 г. стало не просто собранием стихотворений Боратынского: в этом сборнике поэт впервые попытался найти новые принципы объединения произведений. Учитывая опыт предшест-

венников и современников, он искал свой собственный путь в выстраивании художественного целого. С годами эти вопросы не только не потеряют для поэта актуальность, но приобретут ещё большее значение, а сделанные открытия будут использованы им в последующем. Поэтому сборник 1827 г. можно считать первым шагом Боратынского на пути создания книги стихов «Сумерки», что появится из-под его пера спустя 15 лет.

Summary

S.V. Rudakova. E. Boratynsky's Book of Verse of 1827 in the Literary Process of the Early 19th Century.

This paper characterizes the structural peculiarity of E. Boratynsky's first collection "Poems" published in 1827. The influence of traditions that existed in Russian literature in the first third of the 19th century on the book's composition is traced, and the role of the author's personality in the creation of the collection is emphasized. It is proved that Boratynsky tried to give certain integrity to his first collection and to reflect a complete poetic intention in it. Therefore, the edition of 1827 is considered to be the first step on the way to creation of the book of poems "Twilight" (1842).

Keywords: E.A. Boratynsky, collection of poems, poet, persona, author, structure of a collection, title.

Источники

СБ – *Баратынский Е.* Стихотворения Евгения Баратынского. – М.: Тип. А. Семена, 1827. – 184 с.

Литература

1. *Ляпина Л.Е.* Лекции о русской лирической поэзии. Классический период. – СПб.: Петербург. ин-т печати, 2005. – 147 с.
2. *Мирошникова О.В.* Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектура и жанровая динамика. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. – 339 с.
3. *Зырянов О.В.* К вопросу о генезисе и типологии лирического книготорчества в русской поэзии конца XVIII – XIX в. // Авторское книготорчество в поэзии: комплексный подход: Материалы 2-й Междунар. науч. конф. – Омск: Сфера, 2010. – С. 25–33.
4. *Аверинцев С.С.* Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, 1986. – С. 104–116.
5. *Серман И.З.* Примечания // Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов. писатель, 1957. – С. 221–248.
6. *Гуковский Г.А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. – М.: Языки рус. культуры, 2001. – 368 с.
7. *Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В.* Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М.: Наследие, 1994. – С. 3–38.
8. *Орлицкий Ю.Б.* Стихи и проза в русской литературе. – М.: ИЦ РГТУ, 2002. – 681 с.
9. *Альми И.Л.* Сборник Е.А. Боратынского «Сумерки» как лирическое единство // Вопросы литературы. Метод. Силь. Поэтика. – Владимир, 1973. – Вып. 8. – С. 23–81.

10. *Дарвин М.Н.* Стихотворный сборник как форма творчества Пушкина // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 4. – С. 3–8.
11. *Батюшков К.Н.* Письмо Гнедичу Н.И., 25 сентября 1816 г. // Сочинения К.Н. Батюшкова: в 3 т. – СПб.: П.Н. Батюшков, 1886. – Т. 3. – С. 399–401.
12. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. – Л.: Наука, 1979. – Т. 10. – 711 с.
13. Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского / Сост. А.М. Песков. – М.: Нов. лит. обзор., 1998. – 486 с.
14. Литературные листки: Журнал нравов и словесности, издаваемый Ф. Булгариным. – 1824. – Ч. 1, № 5 (март).
15. *Фризман Л.Г.* Поэт и его книги // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. – М.: Наука, 1982. – С. 497–557.
16. *Батюшков К.Н.* Опыты в стихах и прозе. – Ч. 1, 2. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1817.
17. *Семенко И.М.* Батюшков и его «Опыты» // Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. – М.: Наука, 1977. – С. 433–493.
18. *Глебов Д.П.* Элегии и другие стихотворения. – М.: Тип. А. Семена, 1827. – 308 с.
19. *Грехнев В.А.* Лирика Пушкина: О поэтике жанров. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1985. – 239 с.
20. *Альми И.Л.* Элегия Е.А. Баратынского 1819–1824 годов (К вопросу об эволюции жанра) // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. – 1961. – Т. 219. – С. 23–50.
21. *Рудакова С.В.* Своеобразие жанра элегии в раннем творчестве Е.А. Боратынского // Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск, 2008. – Вып. XX. – С. 97–105.
22. *Пильщиков И.А.* Финские элегии Баратынского: Материалы для академ. коммент. // К 200-летию Боратынского: Сб. материалов междунар. конф., 21–23 февраля 2000 г. (Москва – Мураново). – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 69–91.
23. *Батюшков К.Н.* Опыты в стихах и прозе. – М.: Наука, 1977. – 608 с.
24. *Песков А.М.* Из предыстории лирической циклизации в русской поэзии: первая треть XIX века. Циклизация в сборнике «Стихотворения Евгения Баратынского» 1827 года // Нов. лит. обзор. – 2010. – № 105. – С. 201–214.
25. *Пушкин А.С.* Баратынский // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – Л.: Наука, 1978. – Т. 7. – С. 153–155.
26. *Лебедев Е.Н.* Тризна: Книга о Е.А. Боратынском. – М.: Современник, 1985. – 302 с.

Поступила в редакцию
10.09.12

Рудакова Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Магнитогорский государственный университет, г. Магнитогорск, Россия.

E-mail: rudakovamasu@mail.ru